

ТОМ
ПИСАТЕЛЕЙ

АНАСТАСИЯ
АСТАФЬЕВА

*двойная
экспозиция*

Анастасия Астафьева
Двойная экспозиция

«Издательские решения»

2015

Астафьева А.

Двойная экспозиция / А. Астафьева — «Издательские решения»,
2015

Двойная экспозиция может быть как намеренным художественным приёмом, так и техническим браком, когда плёнку при перемотке заедает в фотоаппарате или кинокамере. Результат в обоих случаях непредсказуем. Нередко кадр оказывается просто испорченным. Но иногда из случайного наложения одного изображения на другое выходит нечто – как неожиданно прекрасное, так и совершенно нереальное. Книга из серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей).

© Астафьева А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Четвёртое измерение	6
Беглец	8
Тревога	12
Ботинки, которые ты носишь...	14
Ожидание	16
Танец маленьких утят	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Двойная экспозиция

Анастасия Астафьева

© Анастасия Астафьева, 2015

© творческая группа FUNdbÜRO, дизайн обложки, 2015

Редактор Ната Сучкова

Корректор Нина Писарчик

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Четвёртое измерение

Часы пробили восемь раз. Я взяла ключи и вышла на крыльцо. Солнце, громадное и огненное, ещё пылало за лесом. Брёвна дома окрасились в удивительный красно-коричневый цвет. Засыпающее светило оседало за горизонтом, и он менялся на глазах, превращаясь в привычный, древесно-серый.

Велосипед приветливо звякнул и послушно выкатился рядом со мной из сарая. Мы выехали за скрипнувшую калитку, и я оглянулась: край солнца потух за кромкой леса.

Взгляд мой будто прощался с домом. Вернуться ещё не поздно. Приготовила бы стол, а потом ввалилась к кому-нибудь и пригласила погулять на дне рождения... Но, нет! Я всё решила, и мой велосипед уже уверенно катился по шоссе дальше и дальше от деревенских домов. Вниз-вверх. Вниз – стремительно, вверх – с натугой. Дорога холмистая, но это доставляло особое удовольствие.

Мы поднялись на очередную вершину, и далеко внизу появились тусклые огоньки машины. Велосипед сорвался с высоты и стремительно понёсся вниз, навстречу разгорающимся фарам.

На миг перед глазами мелькнул зелёный бок легковушки. Меня накрыла волна пыли и горький запах отработанного бензина. Пыль скрипела на зубах, в горле першило. Наконец велосипед свернул на уютную узкую дорожку, и из удушливого бензинового облака я нырнула в терпкий дух прелой листвы, шишек, грибов и, почему-то, дыма. Сумрак ночи осторожно выползал из-под низких еловых ветвей. Тропинка всё труднее различалась среди деревьев. Упругие колеса то и дело натывались на корни, меня подбрасывало на седле. Ночь подбиралась к кронам. Пятна темноты стекались вместе, в сплошную пелену, скрывая стволы деревьев, ветви, заросли кустарника.

Я почувствовала лёгкий страх. Тот извечный страх перед природой, который достался нам от пращуров. Песчаная тропинка сделалась шире и даже в такой темноте спасительно белела впереди. Только поэтому я не заехала в канаву, не налетела на поваленное дерево. Но от страха никак не могла избавиться. Он пробивал мелкой дрожью всё тело, зубы отстукивали чечётку. Какая глупость! Детский ужас, смешной, но непреодолимый. Что же дальше-то будет?! Осталось совсем немного. Вот и поворот...

Велосипед сильно подбросило, и я словно стряхнула с себя пустой страх. Лес внезапно кончился. Передо мной раскинулось бескрайнее поле, над которым витал аромат ночных цветов, а из низины, где, я знала, неспешно текла мелкая заболоченная речка, тянуло сырой прохладой. Но главным здесь был одинокий холм, поросший ровной полосой молодых высоких сосен. Он был моей целью. Даже больше – это была моя мечта...

* * *

Лишь когда я совсем устроилась, постелив на землю специально прихваченную старую куртку, и отдышалась, взгляд мой устремился вверх. Я интуитивно выбрала именно этот склон холма и не ошиблась: между двумя соснами, похожими на замерших стражей, виднелось чёрное, в звёздном горохе, небо и молодой худенький месяц.

Затаив дыхание, я вглядывалась в бесконечность раскинувшегося над головой Космоса, и сознание мутилось от попытки мысленно охватить всю его глубину. Но я никак не могла полностью уйти в звёздную медитацию. Бояться, конечно, было нечего. Кто забредёт сюда ночью?! Но сжавшейся в первобытном страхе душе казалось, будто из-за каждого ствола выглядывала нечистая сила.

«Трусиха! – сказала я себе. – Ну и сидела бы дома, как добрые люди. Нет, взбрело в голову отметить день рождения в лесу, ночью. Надоела обыденность? Кому рассказать – только у виска покрутят. А ведь непременно проговоришься!»

Не скули! Пусть становится прохладно, и зубы уже стучат не от страха, а от холода. Пусть нудный ночной комар повис около уха. Зато между этими двумя соснами есть твоя звезда!»

Я обмерла от счастливой догадки: если сегодня мой день рождения, то звезда моя, наверное, где-то близко-близко к Земле. Пробежавшись глазами по всем звёздам, которые были на крохотном клочке между двух крон, я выбрала одну. Не очень яркую, возможно, не самую красивую, но мою. И не важно, что эту звезду уже сто раз открыли до меня. Я открыла её заново и занесла на звёздную карту моего неба. Пусть её как угодно называли до меня – она носит моё имя!

Я улыбнулась. Где-то глубоко в груди зародился странный звук, и я не сразу поняла, что он похож на собачий вой. Мне непреодолимо захотелось завывать на свою звезду! Возможно, собаки таким способом разговаривают с небесами. Мои голосовые связки напряглись, и губы уже вытянулись в трубочку, но тут сзади раздался шорох, и я захлебнулась подступившей волной звука. Господи, как стыдно! Я осторожно оглянулась. Конечно, никого за спиной не было, просто налетел ветер, прошелестел травой и исчез. Только сейчас я заметила, какая кругом тишина и глухая темнота. Кузнечики, так неистово стрекочущие каждую ночь под окном, здесь молчали. Тишина, порой, пугает, но мне, наоборот, стало спокойней.

Ещё в детстве мне хотелось прийти в лес, забрести далеко-далеко, сесть на большой пенёк и просидеть так всю ночь. Передумать всё-всё-всё. О прошлом, о будущем, о настоящем. И вот пришла. Сидела и думала – о настоящем, будущем и прошлом. Жаль, что четвёртого не дано. Для равновесия, хотя бы. Впрочем, есть, я изобрела! Четвёртое – это то, чего не может быть. А об этом особенно приятно думать. Никогда не будет, значит, никогда и не разочарует. В детстве я думала только об этом, четвёртом и, мечтая о такой ночи в лесу, заранее жалела, что её никогда не случится. И – ошиблась.

Мне захотелось плакать. Я сжимала ресницы, резко открывала их и сквозь пелену слёз различала свою звезду. Вот она! Сегодня она была рядом. Она волновала мою душу. Я могла говорить с ней. Просить у неё счастливой судьбы для себя. Делиться грустью и надеждами.

Этой ночью случилось то, чего не могло быть. Сбылась несбыточная мечта. Моя мечта...

* * *

Велосипед, весело побрякивая, катился по тропинке. Всё тот же дух листвы и грибов в прохладном утреннем воздухе чувствовался особенно резко. Рассыпанные в траве капли влаги посверкивали, когда их осторожно касался луч восходящего солнца. Деревня мокрыми от обильной росы крышами выглянула из-за поворота. Я вернулась! Не съел меня волк, не поломал медведь. Вроде бы, ничего не случилось. И всё-таки эта ночь не забудется. И в минуты душевного томления не раз буду я искать на блёклом городском небе мою звезду. Но тщетно...

1990 год

Беглец

Пашка Груздев в очередной раз сбежал из тюрьмы. Весь посёлок был взбудоражен этим известием. К родственникам Пашки приезжал участковый, сухо и равнодушно расспрашивал о нём, затем обошёл дворы и, осмотрев все подозрительные места, уехал обратно в райцентр.

Вечером в клубе ребята только и обсуждали эту тему:

– Третий раз уже сбегает, – говорил Алёшка, сын председательши, сидя на перилах клубного крылечка. – По-первости его за кражу посадили. Пашка тогда почти весь срок отсидел, месяца два каких-то осталось, а он взял и сбежал. Дня три в лесу поскрывался и сдался милиции, ему срок добавили. Через полгода снова сбежал, та же история. Теперь, интересно, сколько промотается?

– Что же там за тюрьма такая, если из неё без конца сбежать можно?! – возмутилась я.

– А, шарашкина контора, – отмахнулся Вовка, сын доярки-алкоголички. – Лет пять назад оттуда сразу четырнадцать человек сигануло. Двоих до сих пор найти не могут, где-то в лесах живут.

– Врёшь! – воскликнула Таня-почтальонка. – Чтоб четырнадцать человек сбежало, это же скандал целый! И пять лет скрываться в лесу никому не под силу, с голоду перемерут.

– Честное слово, – настаивал Вовка, – папка с мужиками говорил, я слышал.

– Твой папка за бутылкой и не такого наплетёт!

– Да пошла ты! – обиделся парень. – Спроси у него, если не веришь!

– Берегись, Танька, – подмигнул почтальонке Сашка, по кличке «Райкин», сын продавщицы Раи. – Одна в лес ходишь не боишься? Хватанут тебя беглецы за фигуристую заднюю часть, все грибы растрясёшь!

В подтверждение своих слов Сашка сам шлёпнул девушку по заду.

– Дурак! – хлестнула она его по руке веточкой, которой отмахивалась от комаров.

– Чего ещё Пашке делать? – вернул Алёшка разговор в прежнее русло. – Он, в общей сложности, полжизни просидел, работать не умеет, на зоне человек свой, а здесь пропадёт.

– Может, он специально и сбегает, чтобы вообще на свободу не выходить? – предположила я.

– Конечно. На зоне его хоть кормят, на воле теперь работы не найдёшь. А матери на шею – зачем он?

Все замолчали. Ребята дымили папиросками. Две маленькие девчонки гоняли на велосипедах вокруг клуба, поглядывая на взрослых ребят и глупо хихикая.

– Пашка хоть не нападёт? – продолжала я выпытывать.

Ребята засмеялись.

– Обязательно нападёт, на куски разрежет, в мешок сложит и домой подбросит, – хохмил Сашка-Райкин.

– Тебе всё шуточки, а мне два километра одной в темноте топать.

– Ничего он не сделает, хлеба только попросит да, может, телогрейку для тепла.

– А помните, пацаны, – весело хихикнул Вовка, – как в прошлый побег он бабку Симу напугал? Ха-ха! Спрятался на сеновале, а бабка ночью на двор захотела, и ему тоже как раз приспичило. Сима, как в теми мужика-то разглядела, так от страха, ха-ха, в штаны напрудила.

Вовка заливался, и все ребята подхватили его веселье.

Откуда-то издали стал приближаться треск мотоцикла, он становился всё громче и громче, а через несколько минут к крыльцу на большой скорости подрулил Ромка Соловьёв. Он так резко затормозил, что заднее колесо мотоцикла повело в сторону. Ромка быстро съёрнул с головы шлем и выпалил:

– Пашка Груздев с братом Колькой в Суршине Ваньку Чёрного избили и поросёнка у него зарезали! Пока менты из города ехали, их и след простыл!

– Вот тебе и тихоня, – проговорил кто-то.

– Пьяные, что ли, были? – спросил Алешка.

– Ясно, что не трезвые.

Маленькие девчонки, услышав криминальную новость, испуганно зашущукались и, тревожно побрякивая велосипедами, в мгновение ока разъехались по домам.

– Чего на крыльце торчать, комаров кормить, – сказал Сашка-Райкин, – по телеку фильм интересный, пойду, посмотрю лучше.

Сашка сбежал с крыльца.

– И правда, – подхватил Алёшка, прыгнув с перил. – Я тоже пойду. Комары чёртовы зажрали, – шлёпнул он себя по щеке.

Потихонечку все засобирались к своим телевизорам.

– А меня кто же домой проводит? – расстроено спросила я.

– Сама дойдёшь. Вон, какая здоровая, – усмехнулся Ромка и, обдав меня вонючим облаком от мотоцикла, умчался.

Я осталась на крыльце клуба совсем одна.

Давно уже село солнце, и темнота густой пеленой медленно наступала на посёлок. Я невольно поёжилась, почувствовав, как мятлый холодок страха пополз по спине.

Посёлок будто вымер, только кое-где в окнах светились экраны телевизоров. Не сидели перед сном на лавочках старики, не прогуливались парочки, не слышалось музыки и смеха. Далеко-далеко перелаяивались собаки, а одинокий фонарь посреди улицы подозрительно помигивал лампочкой. Я почти бегом заспешила к своей деревне. До неё не больше двух километров, но полтора из них составляла глухая лесная дорожка. Днём по ней ходили за хлебом старухи из нашей деревни – она была просторная и светлая, но сейчас показалась мне бездонной дырой среди замерших деревьев.

Фонарь за спиной мигнул ещё пару раз и... потух. Я чуть не заплакала от досады и стала ворчливо ругать мальчишек, не пожелавших проводить меня, погасшую лампочку и отсутствие луны в небе... Злой не так страшно было идти. Мои кроссовки моментально намокли от ночной росы. Кусты жуткими фигурами переплетались в темноте, а стволы елей превратились в гигантских чудовищ. Было совсем тихо, даже собаки умолкли, только где-то вверху, над головой, тревожно шелестела листочками осина, такая же перепуганная, как и я.

Я шагала и шагала, иногда спотыкаясь о корни, выползшие на тропинку, боясь оглянуться, уверенная, что меня преследуют и сейчас набросятся, изуродуют!.. Я резко обернулась. За моей спиной была такая же плотная темень, как и впереди, она словно давила на меня, не давала дышать...

Я шагала и шагала. На фоне чернильно-чёрного неба высветлилась одинокая худенькая берёзка, нависшая над дорожкой. Это была половина пути, за ней поворот, а там, среди сплошной стены стволов и кустарников, появится просвет и жёлтый фонарь над нашей деревней. Я обнадёженно встрепенулась и ещё быстрее устремилась к дому.

Ветки берёзы шёлковыми листьями погладили меня по лицу. Я немного расслабилась и чуть посмеялась над своим глупым страхом: половина пути позади!

Оглушительный треск сучьев раздался вдруг совсем близко, и из кустов, всполошено хлопая тяжёлыми крыльями, взлетела птица. Я застыла, как вкопанная, и совершенно реально почувствовала, что волосы на голове встали дыбом. Чьё-то частое сбитое дыхание раздалось у самого моего уха, и в ладонь ткнулось что-то мокрое и холодное.

Ошалев от кошмара, не понимая ничего вокруг, я бросилась бежать. Недосягаемо далеко прыгал жёлтый фонарь, жёсткая трава хлестала меня по ногам, кто-то неизвестный всё так же дышал около.

На крыльцо я влетела, не чувствуя под собой тверди. С грохотом захлопнув дверь, долго не могла трясущейся рукой вставить в скобу крючок.

На крыльцо кто-то зашёл. Я затаилась за спасительной преградой. Кто-то шевелился и дышал за дверью и, наконец, в щель у косяка просунулся чёрный кожаный нос, мокрый, с рыжей шерстью вокруг. Он шумно посопел и нетерпеливо скулюнул.

Тут мой взгляд упал на белую кроссовку, измазанную жирной грязью. А я даже не заметила, что где-то вступила в лужу! Расхохотавшись, я откинула крючок, и громадный, но глупый и добродушный пёс Портос радостно набросился на меня. Я сидела на ступеньках и бесконечно вздрагивала от разбиравшего меня смеха. Портос рьяно бил хвостом по брякающей двери и лизал меня липким слюнявым языком.

Когда я успокоилась и выпихала лохматого провожатого из сеней, он утробно побрехал в темноту, а затем, шумно зевнув, разлёгся на крыльце.

* * *

Вечером следующего дня я опять засобиралась в клуб. Мать, смеясь, напомнила мне ночное приключение и посоветовала взять фонарик. Но он так оттянул карман, что я всё-таки оставила его дома.

Ребята притащили в клуб магнитофон, который громыхал на весь посёлок, но никто не танцевал, все толпились на улице.

– Живая? – поприветствовал меня Сашка.

– Не съели! – откликнулась я. – Только напугали.

– Не поседела? – хохмил Сашка.

Я подумала, что ребята не поймут моего приключения, а только обсмеют, и рассказывать не стала.

Недалеко от клуба остановилась машина, и скоро к крыльцу подошли два милиционера.

– Гуляем, ребята? – спросил один.

– Гуляем, – вразнойой ответили все.

– Водочкой балуемся?

– Что вы! – воскликнул Вовка, заметно в этот вечер подогретый. – Даже не нюхаем!

– Тебе-то и посмотреть хватит, – усмеялся второй милиционер. – Ничего подозрительного не видели?

– Если встретим, сразу доложим, – отдал честь Вовка.

– Ладно, – пошли милиционеры от клуба. – Долго не шатайтесь.

Они скрылись за деревьями.

– Ваньку Чёрного в больницу увезли, – сообщил Алешка, – говорят, они ему башку проломали.

– Мать сказала, они и в Залыве покутить успели, – подхватила Танька, – магазин взломали, ящик водки взяли. Дорвался Пашка.

– Теперь ему на полную катушку срок отмотают, – подвёл итог Ромка.

Ребята выключили магнитофон, и заведующая, закрыв клуб, ушла. В посёлке снова стало тихо, только занудно пищали комары, толпящиеся над клубным крыльцом.

– Сегодня даже кино никакого по телеку нет, – тоскливо сказал Сашка.

Неожиданно все мы услышали топот нескольких человек, бегущих по асфальтовым дорожкам возле клуба, раздались крики, кто-то грубо заматерился.

– У нас тут свое кино! – воскликнул Алешка, и ребята сыпанули с крыльца – смотреть, что происходит за деревьями.

Мы успели увидеть, как пять милиционеров повели к «газику» двоих мужиков. Это были Пашка и Колька Груздевы. Их подтащили к машине, распахнули дверцы, затолкали туда стар-

шего брата, а Пашка вдруг завывался. Его ударили несколько раз дубинкой, сбили с головы шапку, а когда стали запихивать в машину, он на весь посёлок пьяно заорал:

– Не забуду мать радную-у-у!..

Хлопнули дверцы, и «газик» увёз нарушителей общественного порядка на заслуженный отдых.

– Наша передача подошла к концу. До новых встреч, – паясничая, помахал им вслед Сашка-Райкин.

Ребята направились обратно к клубу, а я, выйдя на дорогу, увидела в луже что-то тёмное, отпихнула ногой – это была Пашкина шапка. Мне стало не по себе, и я грустно побрела к дому.

Фонарь посреди улицы горел ярко и уверенно, громко лаяли собаки, две старухи сидели на лавочке около одного из домов. Мы кивнули друг другу. Ко мне подбежал Портос, ткнулся в ладонь мокрым носом.

Я медленно шагала по лесной дорожке, а пёс верно провожал меня. Шёлковые листья берёзы погладили меня по лицу, впереди зажелтел фонарь. Я обошла лужу рядом с калиткой и поднялась на крыльцо. Портос остановился в неуверенности около, покачал хвостом.

– Спасибо, что проводил, – поблагодарила я его. – Теперь иди домой.

Собака стояла.

– Печенюшку хочешь? Сейчас принесу...

И тут у сарая промелькнула чья-то тень. Я заскочила за дверь и трясущейся рукой накинула крючок. На крыльцо зашёл Портос, сунул нос в щель между косяком и дверью. Я затаилась.

Пёс глухо полаял в темноту и, громко зевнув, развалился на крыльце.

1995 год

Тревога

Пока реклама с экрана телевизора навязывала зрителям разные товары, Ольга успела расправить сыну постель и проследить, чтобы он сделал все необходимые на ночь дела. Уложив, она ласково погладила его по вихрастым волосёнкам:

– Смотри «Спокойной ночи», а потом – спать.

Сын крепко закутался в одеяло и уставился полусонным взором в телевизор. Ольга подошла к окну, чтобы задёрнуть штору. Весь день капал мелкий нудный дождь, но к вечеру небо прояснилось, закатное солнце подрумянило городской пейзаж, и следующий день обещал быть тёплым и уютным.

Под окном остановились две милицейские машины, постояли мгновение и быстро уехали.

Сквозь шум льющейся воды и бряканье моющихся тарелок Ольга слышала, как Хрюша со Степашкой рассказывали сыну приторно-глупую историю. Завтра вернётся из командировки муж, и они всей семьёй поедут в деревню к её матери. Там, в деревне, она по-настоящему могла расслабиться и отдохнуть, а грядки и сенокос – это не работа, это праздник.

На душе стало легко и чисто, будто вымыто дождём. Она уж и не припомнит, когда последний раз пребывала в таком счастливом состоянии. Всё заботы, бегодня, какие-то выяснения отношений, постоянная нехватка денег, сил, любви...

В прихожей запиликал звонок. Ольга удивлённо взглянула на часы – поздно вато для гостей.

На площадке стоял молодой, почти мальчишечка, милиционер:

– Срочно, в течение получаса, прибыть с тревожным пакетом на Советский проспект, семьдесят пять, – он говорил очень чётко и серьёзно.

– Простите, не поняла... – смутилась хозяйка.

– Тревога, – также чётко сказал милиционер, – сборный пункт на Советском проспекте, в здании РОВД. Прибыть нужно не позднее двадцати двух часов.

Что-то вдруг больно дёрнулось внутри у Ольги, по спине и ногам побежали мурашки.

– Да, конечно... но, что случилось? Что потом? Повезут куда-то?

– Все распоряжения на месте, – милиционер уже начал спускаться по лестнице.

– Постойте, что нужно положить в этот... тревожный?..

– Тревожный пакет? У вас же памятка должна быть. Что... Еды на сутки, документы, лекарства, полотенце... сами подумайте!

Милиционер сбежал по лестнице.

Ольга в оцепенении осталась стоять у открытой двери. Мысли в голове суетились, пульсировали, мешались. Сразу вспомнились милицейские машины под окнами. Закат необычный, ядовито-яркий. Подумалось, что какая-то авария на химкомбинате. А точного ответа не было. Что? Что...

Она стряхнула с себя столбняк и быстро стала собирать необходимые вещи. Сын уже спал, раскинувшись, из-под одеяла торчала розовая пяточка. Увидев это, Ольга едва не заплакала, но тут же взяла себя в руки и решила разбудить его в самый последний момент.

Телевизор потихоньку бубнил новости, но тревоги на лицах дикторов не читалось. Ольга пощёлкала кнопкой: по всем программам шли предвыборные дебаты, только по местному телевидению какой-то пустой развлекательный фильм. Пресса молчала. Не знала? Хотя, смешно... Скрывала? Но что? Авария? Война?!.. Всё-таки, наверное, авария, и они с сыном уже несколько часов дышат не свежим последождевым воздухом, а – смертью...

Ольга бестолково бегала по квартире с целлофановым мешком, в котором болталось одно полотенце, и никак не могла сосредоточиться и сообразить, что входит в этот «тревожный пакет».

Пресса молчала, но вокруг, словно густой туман, стояла тревога, которая ясно ощущалась теперь всем телом, каждой его дрожащей клеточкой...

Ольга в бессилии опустилась на диван. Она не знала, что делать дальше. Пожалуй, впервые она всерьёз осознала отсутствие мужа. Он бы всё взял в свои руки и не дал бы ей распутиться. Ольга собрала остатки сил и...

Через пару минут «тревожный пакет» был собран, она бросила его в коридоре, и только тут заметила, что так и не закрыла дверь. На площадке было тихо. Соседи, наверное, в такой же растерянности пытались собраться, понять происходящее. Ольга закрыла дверь и стала будить сына. Он сопел во сне, вздыхал, но не просыпался. Она взяла его, сонного, стала одевать, путаясь в одежде, и сын захныкал.

Вновь запиликал звонок.

Ольга бросилась в коридор с сыном на руках. Резко раскрыла дверь.

На пороге снова стоял тот же мальчишка в милицейской форме:

– Вы извините, ради Бога, – быстро, сбивчиво говорил он. – Оставайтесь дома. Тревога учебная, с этими выборами все запутались, чуть не каждый день поднимают. А я недавно работаю. Адрес перепутал. У нас сотрудница в соседнем доме живет. Простите, пожалуйста! Простите... – он побежал по лестнице вниз.

Ольга осталась в полной растерянности. Потом очнулась, быстро уложила сына в кровать и распахнула окно:

– Молодой человек!

Милиционер торопливо шагал от дома.

– Товарищ милиционер! Так тревога точно учебная?

– Конечно! – крикнул он, обернувшись на ходу. – Извините ещё раз. Спокойной ночи!

Гуляющая во дворе молодая пара с любопытством смотрела на участников непонятного диалога.

Ольга стянула с сына колготки. Потом стала разбирать «тревожный пакет» и вдруг рассмеялась. Смеялась она долго, никак не могла успокоиться, и смех постепенно перешёл в слезы. Молодая хрупкая женщина плакала, уткнувшись лицом в ладони, всхлипывая, как напуганная девочка. Рядом к суточному запасу еды, брошенному в пакетике на пол, пристроился кот, медленно и деловито жевал колбасу. Сын крепко и мирно спал. Из распахнутого окна тянуло вечерней свежестью.

Ольга плакала и плакала. Ей вдруг близка и понятна стала любая трагедия, о которой она слышала за смутное время из прессы: всякая авария или стихийное бедствие в далёких неизвестных городах, и война в кавказской республике, такая непонятная и ненужная, что не верилось в её реальность... И перед всем этим она была бессильна. Не могла защитить ни себя, ни укрыть и спрятать своих близких, своих любимых и единственных.

В телевизоре продолжали плести свою политическую паутину люди, обещающие счастье и процветание всем без исключения. Она вспоминала их лица, слова. И боялась каждого, и ждала чего-то от каждого. Ещё было время и неизвестность.

А в душе? В душе осталась учебная тревога. Учебная – перед большой, настоящей, страшной – и, увы! – вполне возможной...

1996 год

Ботинки, которые ты носишь...

Я свалила дурака. Я попробовала выйти «взамуж». Я попыталась от тебя сбежать. От тебя – читай – от себя, а, стало быть, бесполезно, бессмысленно. Никогда не думавшая прежде, что могу быть такой стервой, стала ею – сварливой, толстой, не стриженной, не окрашенной, в затрапезном халате, не всегда тихо ненавидевшей своего сожителя. Я сделалась точной копией типичных анекдотичных жен. Только анекдот этот оказался из серии чёрного юмора.

Днём я, изо всех сил, выдерживала, переживая своё «замужество»: ходила в магазин, чистила картошку, варила суп, стирала, гладила рубашки, которые мой «муж» предпочитал менять через день. Если бы это были твои рубашки, осоловевшая от счастья, я бы стирала и гладила их круглыми сутками. Но это были его рубашки, и я их презирала.

Вечером я выполняла «супружеский долг», нарочно соблазняя его ежедневно, чтобы ненавидеть ещё больше. Мне был омерзителен его запах, его кожа, его биологические сливы, после которых он неизменно напоминал мне, что если я «залечу», то непременно пойду на аборт. Он даже никогда не целовал меня, не ласкал так, как мне хотелось.

Он уходил в свою комнату, в свою постель, а я свободно, не боясь быть услышанной сквозь его храп, вволю ревела в подушку, выла под одеялом, звала тебя, кричала тебе о том, как мне плохо. И ещё старалась вспомнить твой запах, твой вкус. Воскрешая в памяти твой образ, я доходила до галлюцинаций, мистических переживаний, где я переставала различать реальность и вымысел. Ты был рядом. Ты был со мной. Я сходила с ума. Я вызывала из прошлого твои глаза, восторженно светящиеся при виде меня, твой тихий мягкий голос, твой лёгкий, всегда чуть сдержанный смех. Я звала твои руки, твои губы, твои слова, до оупения повторяя самые ласковые из них. Я улыбалась, припоминая, как ты радовался, если что-то похожее и родное находил во мне, в моём образе жизни. Была ли то скатерть на кухонном столе, печенье одного сорта, отчего-то купленное нами одновременно. Только я его несла в свой пустой дом, а ты – жене и детям. И ты радовался. Радовался, когда открывал, что нам нравятся одни фильмы, одна музыка, одно вино, одни люди, один, созданный нами для нас мир. И я никогда не понимала, почему же мы не вместе? Если всё так славно и радостно. Ты смеялся, ты грустил, ты сходил с ума от страсти, ты молчал, ты говорил, ты смотрел на меня, ты смотрел сквозь меня, ты не видел меня, ты храпел... Стоп! Ты никогда не храпел. Это храпел он в соседней комнате, и я, выброшенная этим отвратительным звуком из фантазий и грёз в мир настоящий, снова выла под одеялом. Если бы это храпел ты, я бы наслаждалась. Всё, что я любила в тебе, в нём я не терпела, да в нём и не было ничего от тебя.

Тогда – это был порыв полного, какого-то омутного отчаяния – я устала ждать твоего решения, меня задавила чудовищная депрессия, да ещё тот октябрь, он случился такой мрачный, такой промозглый. Мне хотелось умереть. Я почти решилась на это. В тот вечер я медленно брела домой по слякотной грязи, какими-то задворками, среди гаражей и гнилых заборов. И его машина просто остановилась около. И я села в неё. Первый раз в жизни я села в машину к незнакомцу! Мне было всё равно... А потом я уехала к нему, далеко на Север, в холостяцкую квартиру с тараканами. Унылые будни разбавлялись ревнивыми посещениями бывших подружек и частыми вечерними посиделками с приятелями-пропойцами. Зачем я уехала за тем, кого не любила? Мне было – всё равно... Мне хотелось верить, что я верю, будто он меня спасёт. А он меня добил. Я сама себя добила этим сожительством. Сознательно.

С ним я выдержала девять месяцев. И сбежала от него – читай – от себя, потому что снова бессмысленно.

Я уезжала от себя в трясущемся лязгающем вагоне, и все тридцать шесть часов пути клялась себе и тебе, что вернувшись, никогда, ни за что не приду к тебе, не позвоню.

Пять месяцев я держалась, но однажды вечером оделась и пошла к твоему дому. Сердце грохотало, протестовал разум, ныла душа, а вот ноги мои шагали себе и шагали, разве что, чуть ослабело сгибаясь в коленях. Я села на скамейку в твоём дворе и стала чего-то ждать. Горел свет в твоей квартире, я видела в окне движущийся силуэт, думала, что это ты. Я не рассчитывала на встречу, почти не хотела её, просто сидела в твоём дворе и мёрзла. Меня словно приморозило к скамейке, и я равнодушно околевала, лишь изредка разминая заледеневшие в тонких перчатках пальцы.

И у подъезда остановилась твоя машина. Ты вышел из неё, хлопнул дверцей, выведя меня этим из оцепенения. Я проговорила твоё имя. Оно рассыпалось стекляшками – застывший язык не повиновался. Тогда я крикнула твоё имя. Ты обернулся. Я снова перестала различать реальность и вымысел: твой взгляд, удивлённо и восхищённо вскинутый на меня, твой тихий смех, ласковый голос, твой запах. Всё это закружило меня, завьюжило, замело разум.

Ты говорил, что мы оба сумасшедшие, иронично спрашивал, каково мне замужем. Я отмахивалась рукой, но ты, плохо скрывая ревность, говорил глупости о том, что там у меня любовь, не слушал моих возражений. Ты жаловался на усталость, на работу, ты говорил, что хочешь есть. Ты неожиданно поцеловал меня и велел пойти завтра на работу, чтобы всё, ВСЁ обговорить. Ты засмеялся, что замёрз, что на тебе тонкие брюки, а мороз, похоже, подваливает градусов под восемнадцать. И слегка поддёрнул брючину, чтобы показать, что под ними действительно ничего не поддето тёплого. Я успела увидеть сверкнувшую кожу голой ноги, чуть съехавший носок, а ещё я увидела твои новые ботинки. Ты ещё что-то говорил, шутил, а я застыла взглядом на этих ботинках – чёрных, на тонкой подошве – не дорогих, но довольно изящных. Эти ботинки в одно мгновение откинули меня в пережитое, откуда я удрала.

Мы выбирали моему «мужу» обувь. Мне вообще нравится мужская обувь, она широкая, удобная. А одни туфли особенно приглянулись мне: изящные, на тонкой подошве, модные и не очень дорогие. Я предложила ему их купить, но его перекосило, словно он прожевал горсть клюквы. Он рявкнул, что я ничего не понимаю, и купил жуткие, грубые, под кроссовки слаженные ботинки, в которых после до крови натёр ноги. Я махнула рукой и ещё несколько раз подходила к выбранным мною туфлям, даже подержала их в руках – лёгкие, с удобной колодкой. От таких и походка-то особая становится.

И вот в таких-то, именно таких ботиночках стоял сейчас передо мной ты. Тоска скрутила мою душу, слезами набухли веки, и мне неодолимо захотелось опуститься на колени перед тобой, обнять усталые замёрзшие ноги и целовать эти несчастные ботинки.

«Господи! Даже его ботинки я люблю! – стонала моя душа, надрывалось сердце. – Господи! Почему я не с ним?!»

Ты убежал домой отогреться, а я, сразу помрачнев, сложившись в плечах, побрела в свою пустую одинокую квартиру.

Завтра мы встретимся, но реанимация трупы нашей любви закончится для неё очередным летальным исходом. И я ещё не раз буду убегать от тебя-себя, уезжая в другие города, начиная, пытаясь начать жить без тебя, возвращаясь снова и снова. Только все видения, все фантазии, связанные с тобой, теперь перекрыли эти злосчастные ботинки, которые ты носишь. Я все представляю, как обнимаю твои усталые ноги и целую, целую запыленные ботинки: «Господи, почему я не с ним?!».

Бывая на рынке, я часто подхожу к рядам с мужской обувью и, стоя чуть в стороне, подолгу с тоской смотрю на эти ботинки. Ничего не выбираю, не покупаю. Продавцы раздражаются, видимо, подозревая во мне воровку. Но я не смогла увести даже тебя, где уж мне украсть ботинки, которые ты носишь.

2000 год

Ожидание

Однажды она меня позвала. Именно позвала. Сама. Я частенько проходила мимо неё, не замечала, увлечённая поиском грибов, а тут – словно прозрела, услышала зов и подняла от земли глаза.

Она росла в гордом одиночестве на едва заметном взгорке, а метрах в трёх вокруг, будто расступившиеся в почтении слуги, застыли тонкоствольные молодые сосны. Не раздумывая, я поняла, что это царица надменно высится над своей челядью. Была она стара, стояла наклонно, неожиданно и неуместно напоминая своей «позой» Пизанскую башню. До самой вершины ствол её был гол – отсохли и обломились с годами ветви. Отчего-то я долго не решалась подойти к ней.

День выдался жаркий, ослепительно-солнечный. Лесные пичужки резвились и играли, прыгая по ветвям деревьев, перелетая с одного на другое. Вдруг одна из них, крохотуля с зеленоватыми перышками на крыльях, уселась на ствол царицы-сосны и тукнула клювом толстую, наверняка почти каменную кору. Мне представилось, как рассердится, разбухнет сейчас дерево, стряхнёт с себя дерзкую птичку, но птаха улетела, не найдя ничего съедобного, а всё осталось по-прежнему тихо.

Тогда я скинула с себя оцепенение, поставила на мох, в листья брусничника, полупустую корзину, подошла к сосне и обняла её. Рук моих хватило лишь на половину обхвата ствола. Он был тёплый, нагретый за день солнечными лучами. Светло-коричневые, размером с ладонь шашки коры лепились отдельно друг от друга и напоминали рисунок на теле жирафа; кое-где кора была проточена вредителями, издолблена неглубокими дуплами, затянувшимися слезящейся смолой. Деловито устремляясь к вершине, ползли по стволу крупные чёрные муравьи. Своими объятиями я нарушила им проторённую дорожку. Насекомые смешались было, но через мгновение осмелели, заползали по моей руке, пытались прыснуть едким спиртом в неожиданного врага, хорошо, что рукав куртки защищал меня. Я примирительно убрала руку с пути муравьёв, и чёрный ручеек выровнялся, вновь побежал размеренно.

Мне слышалось, что в сердцевине дерева таким же ровным потоком текут соки, несут живицу от корней к вершине, к искривленным, изломанным ветрами ветвям.

Крона сосны была так далеко, так высоко, что легко представлялось, как цепляются за неё белые облака, да и само небо держится на ветвях сосны, как на плечах древнего Титана. Ей и тяжело, и торжественно это, она знает, что хрупкие тонкие тела молодых сосен, столпившихся вокруг, никогда не выдержали бы такой ноши, потому и полна царица снисходительной заботливости к ним, как мудрая старуха с превосходством знания жизни, но и со слезами умиления взирает на неразумных ребятишек.

Холодные дожди, секущую порошу, ураганы, ласковые весенние ветры, жару, палящее солнце; острую боль от точащего её древесное тело жука-короеда, спасительный, но и жестокий клюв дятла; смятение и тоску от разносящегося по бору треска упавшего дерева, ужас и панику от далёкого визга бензопилы; усталость и успокоенность – всё знала древняя сосна. И мечта была у неё – ей хотелось умереть своей смертью. Не рухнуть подпиленной. Не завалиться истерзанной, с вывороченными корнями, во время урагана. А золотым осенним днём, когда откричат прощально улетающие на зимовку птицы, в бору зазвонит тишина, и в дрему погрузятся все деревья – с тихим стоном усталой надломленной души, не круша своей многовековой тяжестью молодняк, медленно опуститься на землю, в объятии раскинув по ней истомившиеся ветви, и замереть, всё ещё слыша, как последний протяжный вздох её передается от сосны к сосне, улетаая далеко и затихая навсегда...

Пройдут многие зимы и вёсны, пока затянёт ствол царицы мхом, покроет брусничником, осыплет перезревшими семенами, и сокроется, срастётся с землёй то, что было когда-то могу-

чим гордым деревом. А на его месте возрастут юные ершисто-колкие сосенки. У них и мечты будут совсем иные: скорее подрасти, вытянуться, подняться к солнцу.

С замершим сердцем слушала я исповедь дерева и едва слышно отвечала ему: живи, не поддавайся смятению и бурям. Настанет день, и я приведу к тебе самого дорогого человека, чтобы мудростью своей примирила и обвенчала нас, даровав столь же долгий счастливый век нашей любви.

Она понимала меня, кивала согласно ветвями, и мы долго ещё стояли, обнявшись, думая каждая о своём.

Миновали годы и годы с того дня, когда сосна впервые позвала меня. Я всегда прихожу к ней, если оказываюсь поблизости. Как и тогда, прижимаюсь к ней, и она сдержанно вздыхает, видя, что я снова и снова прихожу одна. Она ждёт, как мать ждёт часа благословения детей своих, после которого успокоено станет доживать свой век.

Так и сосна моя будет ждать, зная моё одиночество, и это даст ей силы жить ещё и ещё.

Только бы не набрёл на неё жестокий лесоруб, а меня миновало несчастье обманутых ожиданий. Так мы и думаем друг о друге долгими зимами: сосна-царица в далёком, занесённом снегами бору, а я – в слякотном городе. Ждём. Обе ждём весны...

2000 год

Танец маленьких утят

Третьи сутки Татьяна ехала в поезде. В плацкартном вагоне было холодно и грязно. Из близкого нерабочего тамбура наносило табачным дымом. Пузатый сосед, неприлично развалившийся на боковушке, безбожно храпел. Татьяна лежала на серой простыне, под серым же байковым одеялом. Не поднимая головы с подушки, она со своей нижней полки видела лишь верхушки мелькающих за окном деревьев да небо, то ясное, то затянутое облаками. Тогда по стеклу царапали капли дождя, в вагоне становилось ещё и сыро, влажнели одежда и постельное бельё.

Иногда, когда поезд останавливался, Татьяна садилась на своей полке, всматривалась в постройку очередной станции, в лица местных жителей. На полустанках часто продавали бруснику, кое-где воровато предлагали и едва зарозовевшую клюкву. От скуки Татьяна любопытствовала о стоимости, но ничего не покупала. Другие пассажиры, ссылаясь на дороговизну, тоже брали редко.

Татьяна снова возвращалась на своё место, с тяжёлым вздохом доставала зеркальце, критически осматривала себя в нём – который день не мытые волосы утратили привычный блеск и медный отлив, от постоянного лежания и долгого сна лицо припухло. Она вздыхала ещё громче – эх, если бы сейчас хорошую ванну, чуть-чуть косметики, завивку на волосы – вот так, крупными волнами, – она была бы хороша! Хотя, зачем?.. Для кого?..

Поезд уносил Татьяну дальше и дальше от её северного города на восток, глубже и глубже в сибирские леса и селения, и всё это время она силилась объяснить самой себе происходящее, осмыслить его.

* * *

Виноват, конечно, был Круглов, её Круглов, с которым она встречалась семь лет, с которым все эти годы они перебивались квартирами подруг, дачами друзей, поездками в лес «за грибами», а то и глупыми детскими стояниями в подъезде под лестницей. Последнее просто стало анекдотом в устах Татьянинных приятельниц. По-человечески привести любовника домой она не могла: там были папа с мамой и её восьмиметровая комнатёнка, попадать в которую можно было только через родительскую. А Круглов... Ну, Круглов, разумеется, был женат давно и основательно, ещё до их семилетней «дружбы». Периодически Татьяна закатывала ему истерики по поводу уходящей молодости, просила, а то и требовала развестись. Они расходились на какое-то время, порой, на месяцы, но затем ещё более страстно целовались в подъезде, и шептались, и хихикали, словно школьники.

И вдруг – эта ужасная операция. Всего-то задержка, всего-то побаливал живот, всего-то в один прекрасный вечер потемнело в глазах, и дальше Татьяна уже помнила свет реанимационной палаты, запах лекарств, днём и ночью стоящую рядом капельницу... Но, ещё она помнила его глаза и руки. Да! Среди всего пережитого кошмара вдруг возник он, Круглов, он не смотрел, а пожирал её тревожно и влюблённо сияющими глазами, он целовал её тонкие музыкальные пальчики, каждый – раз по сто, по тысяче! Что он шептал ей тогда, в чём клялся, Боже! Какие невероятные букеты приносил, какие фрукты доставал среди зимы! И вдруг эта ужасная операция превратилась в счастье их любви. Когда разрешили вставать, а потом гулять по коридору, Круглов носил Татьяну на руках, при всех, не стесняясь, нарываясь на ругань врачей, потому что швы могли разойтись от любого неловкого движения. А она плыла на его сильных руках и, улыбаясь, думала, как это странно и просто одновременно – счастье. И ей не страшно было умереть теперь, когда смерть была позади...

Были ещё недели, месяцы их встреч, но Круглов не уходил от жены, как обещал ей, пока она лежала под капельницей. Они так же скитались по чужим квартирам, так же ссорились, и в последнее время – всё чаще.

А десять дней назад ей донесли, что он давно развёлся и благополучно женился второй раз. И всё это у неё за спиной.

Татьяна отменила все занятия на неделю вперёд и лежала пластом на диване в своей комнатёнке, отрешённо глядя на чёрное притихшее фортепиано. Ей казалось, что инструмент застыл в обиженном недоумении: каждый день по его пожелтевшим клавишам долбили гаммы и пьесы разновозрастные ребятишки, а то и сама хозяйка вдруг пробегалась трепетными пальцами, пела что-то нежное и грустное. Сейчас ей ни петь, ни жить не хотелось.

В таком минорном состоянии её и застала Зоя:

– Я тебе говорила: бросай своего Круглова? Говорила! Так что, не реви теперь...

– Я и не реву, – сдавленно произнесла Татьяна, глаза которой действительно были сухи, слёзы просто закончились.

– Нет, Танька, пора тебе замуж, – категорично заявила Зоя и присела на краешек дивана. Подруга только глухо простонала в ответ на её слова. – Тридцать два года, а ты всё при папке с мамкой. Семь лет тебя твой Круглов мурыжил! Зажимал раз в квартал у батареи под лестницей! Семь ле-е-ет!.. Это же подумать страшно! Молодость бабе сгубил!

– Зоя-а-а, – снова простонала Татьяна, – если ты пришла, чтобы поливать его грязью, то уволь меня от этого... пожалей просто.

Зоя погладила подругу по волосам и сама вдруг всхлипнула:

– Витька мой, тоже... любовь, тоже... жизнь такая-сякая... – но она была женщина волевая, собралась, слёзы утёрла и, достав из сумочки конверт, протянула его Татьяне. – Вот, читай.

– Да оставь ты меня...

– Ну, не хочешь, я сама прочитаю тогда, слушай. Это письмо от Александра, ты его должна помнить. У нас на свадьбе, два года назад, вы ли-и-хо отплясывали...

Татьяна от возмущения даже села:

– Что ты плетёшь?

– Не плету! Вот сейчас сама вспомнишь! После того, как невесту украли, то есть, меня, а потом вернули и стали загадки отгадывать, а потом ещё фанты, и в эту, «в бутылочку», играли... тогда вам и выпало танцевать. Танец маленьких утят...

– Может, маленьких лебедей? – съязвила Татьяна.

– Да, танцевали вы, не спорь. И вообще речь не об этом. Он письмо прислал, пишет, что очень понравилась ему «та девушка», и нельзя ли с ней как-то встретиться. Вот тебе доказательство, – Зоя снова протянула Татьяне конверт. – Там и фотография есть, симпатичный, между прочим.

Татьяна осторожно вынула содержимое конверта, читать ничего не стала, мельком взглянула на фотографию: простецкое лицо сельского работяги, наверняка, ещё и выпивоха, наверняка, ещё и дерётся...

– Витька с ним вместе в армии служил, говорит – толковый парень. Чем не жених! – пропагандировала Зоя. – Такой семь лет мурыжить не станет! Этот – сразу под венец! Такие, они все деньги в дом! Всё для семьи! – Зою несло...

Дальнейшее Татьяна помнила плохо: как отстукивали телеграмму Александру, как добывали денег на не ближний, очень не ближний путь, как скидывали в сумку побольше свитеров, тёплых носков и штанов, потому что – Сибирь, морозы даже в августе, как обнимались и ревели с Зоей на вокзале, как пролетели сутки, затем вторые, и ей всё хотелось сойти на следующей же станции и оборвать этот бред, но потом вдруг пришло успокоение, странная лень, даже апатия.

* * *

Вечером четвёртого дня Татьяна вышла на станции, указанной в билете. Она знала эту станцию только по названию, написанному на проездном документе. Больше она не знала ничего.

Поезд умчался дальше. Станция была пустынна, лишь два мужика пили пиво на лавочке около деревянного одноэтажного здания, то и дело они дружно выкрикивали что-то и глухо чокались бутылками.

Ещё на перроне стояла тётенька в железнодорожном кителе и с жезлом в руке.

Придав лицу загадочность, с блуждающей приветливой полуулыбкой на губах, Татьяна устремилась к дежурной по станции:

– Женщина, милая, где тут у вас автобус до Афанасьевки?

– Утром, – мрачно сказала «милая женщина».

– Как утром?

– В пять утра, – отрезала дежурная. – И не до Афанасьевки, а до аэропорта.

– А как же... – начала, было, Татьяна.

– А для «как же» есть зал ожидания, вон там, – женщина в железнодорожном кителе указала жезлом на здание станции.

Татьяна с тоской посмотрела туда, потом взгляд её скользнул по желтеющим августовским деревьям, над деревьями, по меркам нечерноземной зоны России должно было виднеться синее глубокое небо, но там она увидела тупые склоны сопок и низкие, словно лежащие на их вершинах, облака. От этих ли облаков, от почти осенней прохлады, от полного непонимания ли происходящего, но Татьяна вдруг осознала, что, кроме этой женщины, ей никто не поможет.

– Женщина, милая, – остановила она порыв дежурной уйти в тепло сторожевой будки. – Помогите мне, пожалуйста, я никого здесь не знаю, я первый раз в вашем славном городке, он такой красивый, особенно в этих узорах осенних деревьев, в этом обрамлении синих гор...

Дежурная странно смотрела на пассажирку, но лицо её смягчалось.

Через пару минут они сидели в дежурке, пили чай с баранками, грелись у железной, страшно гудящей печки и рассматривали карту района. Татьяна узнала, что утренний автобус довезёт её лишь до аэродрома, с которого две «Аннушки» переносят местных жителей в нужные им дальние селения. Дежурная предложила ей своё спальное место на продавленном диванчике, поясняя, что сама, всё равно, не ложится – уснёт, а дел хватает, поэтому, сидя, ей даже ловчее, вот так, всю ночь и будет кроссворд разгадывать. Едва устроившись на торчащем всеми пружинами диванчике, подобрав чуть не к подбородку колени, Татьяна решила смириться с обстоятельствами. Хотя бы до утра...

Когда «Аннушка» тягостно оторвалась от взлётной дорожки и понесла своё неказистое алюминиевое тело над землей, Татьяна с радостным удивлением первооткрывателя смотрела в иллюминатор на расплывшееся под брюхом урчащего самолётника пространство. Всё те же синие волны сопки прорезали зеркально отсвечивающие ленты рек. Они то тянулись совсем прямо, словно были отчерчены кем-то по линейке, то, наоборот, загибались таким невообразимыми узорами, что казалось, сами путались в направлении своего течения. С низко летящего самолёта были хорошо видны редкие посёлки, их сбившиеся в тесные стайки домишки и сарайчики. «Аннушка» иногда снижалась на подлёте к ним; подпрыгивая, как перепуганная курица, садилась на плохо заасфальтированную дорожку. Часть пассажиров шумно выгружалась, другая, не менее шумная часть, загружалась. Самолёт снова подпрыгивал, взлетал так же натужно, но Татьяна, всегда боязливая, сейчас совсем не думала, что старая развалина может рухнуть в любой момент. Она снова смотрела в иллюминатор и поражалась сама себе – ей не было тревожно или беспокойно, только любопытно – что же ожидало впереди. Несмотря на отбитую телеграмму, Татьяну никто не встречал. Пассажиры быстренько разбежались, и она

осталась одна посреди чистого поля. Постояв немного в раздумье, закинула на плечо сумку и побрела следом за ушедшими людьми, к домам, в которые упиралась посадочная полоса.

Сибирский посёлок Афанасьевка, пожалуй, ничем не отличался от северных деревень, где бывала Татьяна: те же дома – добротные и нет, те же барачные застройки, те же магазины «тыр-пыр-сбыта», те же, местами поломанные, заборы, а где-то, наоборот, возведённые броневой прикрытие – «от чужого глаза». Так же у сельсовета пасся чёрный телёнок со сливовыми глазами, пацанва носилась на велосипедах, а тётки с сумками или вёдрами неприветливо осматривали нового человека. Отличие было лишь в сопках, нависших над посёлком тёмными тяжёлыми тушами. Они были непривычны «равнинному» Татьянинному глазу, словно бы давили со всех сторон, и от них становилось как-то тесно.

На вопрос, где проживает Александр, народ туманно отзывался: «Это там, на хуторе», – и махал рукой на сопки. После таких ответов Татьяну пробивал нервный озноб, и она брела в неизвестном, но указанном людьми направлении.

– Ат, ты, блин! – крикнул кто-то над самым её ухом так громко, что она вздрогнула. Обернулась. Это был он. – Ат, ты, блин! – повторил Александр и выхватил у Татьяны сумку. – А я тебя проворонил, с мужиками то да сё! Приехала! Ух, ты! – Он попытался, вроде бы, обнять женщину, но встретив испуганно-строгий взгляд, отпрянул. – Ну, да, да! Устала ты, верно ведь. Поездом поехала зря. Сама себя вымучила. Ла-адно, – благодушно протянул он, – матушка баньку уже сообразила, пироги с ночи затворила. Давай, вот наш коньяка!

Они действительно подошли к устланной соломой телеге, в которую была впряжена серая лошадь.

Вся дальнейшая дорога не вызвала в Татьяне уже никаких эмоций, от дикой усталости, от бесконечной тряски и пустой болтовни «жениха» мутило.

Хутор оказался вовсе не хутором, просто постройки Александра отстояли от основного посёлка в зарослях ельника и чуть на взгорке, откуда Афанасьевка виделась вся, как на ладони. Молоденькие ёлочки вокруг дома постепенно перемежались более взрослыми елями, перемешивались с соснами и взбирались на сопку, растекаясь зелёно-синими волнами под самые небеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.